

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Е.Г. ЕРЕМЕНКО

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'42
ББК Ш105.51

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ, ИНТЕРТЕКСТ И ОСНОВНЫЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. Рассматриваются общие вопросы теории интертекстуальности, особое внимание уделено проблеме классификации основных интертекстуальных форм. К «собственно интертекстуальным элементам» отнесены такие формы, как «цитата», «аллюзия», «реминисценция», на разграничении которых автор останавливается подробнее.

Ключевые слова: литературоведение, интертекстуальность, цитата, аллюзия, реминисценция.

В настоящее время в лингвокультурологии и литературоведении большой популярностью пользуется теория интертекстуальности. Как утверждает М. Ямпольский, «теория интертекстуальности имеет три основных источника – это теоретические взгляды Ю. Тынянова, М. Бахтина и теория анаграмм Фердинанда де Соссюра»¹. Ю. Тынянов подошел к проблеме интертекста через изучение пародии. Он (как и Бахтин) видел в пародии фундаментальный принцип обновления художественных систем, основанный на трансформации предшествующих текстов. М.М. Бахтин в свою очередь приходит к выводу о диалогических отношениях между текстами и внутри текста. А теория анаграмм Соссюра «позволяет наглядно представить, каким образом иной, внеположенный текст, скрытая цитата организуют порядок элементов в тексте и способны его модифицировать»².

Очевидно, что явление интертекстуальности само по себе не ново, однако термин был предложен, как известно, лишь в 1967 году исследователем Ю. Кристевой: «Интертекстуальность – социальное целое,

---

¹ Ямпольский М. Память Тиресия. М. : РИК «Культура», 1993. С. 15.

² Там же.

рассмотренное как текстуальное целое».³ М.М. Бахтин воспринимает интертекстуальность, прежде всего, как диалог сознаний через призму множества «забытых смыслов», в то время как Ю. Кристеву интертекст интересует как «цитатная мозаика», исключительно как «межтекстовый диалог». Таким образом, интертекстуальность понимается как общее свойство текстов, благодаря которым тексты могут разнообразными способами явно или неявно ссылаться друг на друга.

Согласно общеизвестному, ставшему классическим, определению Р. Барта, каждый текст «является интертекстом; другие тексты присутствуют в нём на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах»: «Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и так далее – все они поглощены текстом и перемешаны в нём, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык»⁴. Лингвистом Ю.П. Солодубом интертекстуальность трактуется как связь между двумя художественными текстами, принадлежащими разным авторам и во временном отношении определяемыми как более ранний и более поздний»⁵. В работе другого лингвиста, И.А. Фатеевой, читаем: «интертекстуальность – это способ генезиса собственного текста и постулирования собственного авторского «Я» через сложную систему отношений оппозиций, идентификации и маскировки с текстами других авторов»⁶.

Таким образом, для сторонников лингвокультурологического подхода к проблеме определения понятия интертекстуальности важным является историческая преемственность между текстами и выразительная функция.

Литературоведческий подход в определении изучаемого феномена находим в работах И.П. Смирнова: «Интертекстуальность – это слабое широкое родовое понятие, имеющего в виду, что смысл художественного произведения полностью или частично формируется посредством ссылки на иной текст, который отыскивается или в творчестве того же автора, или в смежном искусстве, или в предшествую-

---

³ Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с франц., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: ИГ Прогресс, 2000. С. 27.

⁴ Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1978. С. 512.

⁵ Солодуб Ю.П. Интертекстуальность как лингвистическая проблема // Филологические науки. 2000. №2. С. 51.

⁶ Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1998. Т. 57. С. 30.

щей литературе».⁷ И.П. Смирнов рассматривает интертекстуальность сразу в трёх аспектах: идеологическом, семиотическом и коммуникативном (т.е. приёмы, посредством которых литературное произведение указывает «идеальному» читателю на свою историю). По мнению литературоведа Ю.С. Степанова, интертекст – это то, что можно читать в прямом смысле слова, остальное является нечитаемыми «образами, представлениями, идеями»⁸. В монографии «Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка» (1999) Н.А. Кузьмина предлагает следующее определение интертекста: «Это объективно существующая информационная реальность, являющаяся продуктом творческой деятельности человека, способная бесконечно саморегенерироваться по стреле времени»⁹.

Стремление к разграничению лингвистического и литературоведческого подхода к проблеме интертекстуальности видим в работе Т.Ю. Аветовой. Где под первым понимается изучение «литературных влияний» текстов разных авторов на друг друга, под вторым же – анализ интертекста с позиции читателя, анализ и процесс узнавания¹⁰. В обзорно-аналитической монографии, посвящённой данной проблеме, Н. Пьеге-Гро, обобщая опыт своих предшественников, называет интертекстуальность первоосновой литературы, «основополагающим феноменом литературного письма как такового», который превосходит любые родовитые и исторические границы¹¹.

Понятие интертекстуальности, введённое в научный обиход Ю. Кистеревой, почти полвека регулярно становится поводом для дискуссии литературоведов, философов, лингвистов. Одной из основных проблем в данной области является вопрос о разграничении двух терминов – «интертекстуальность» и «интертекст». Так, С.А. Стройков, Ю.С. Степанов Л. Грузберг, Е. Политыко вслед за И.К. Сидоренко не разграничивают эти два понятия¹². Н. Пьеге-Гро предлагает следую-

---

⁷ Смирнов И.П. Порождение интертекста. Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л. Пастернака. СПб. : СПбГУ, 1995. С. 193.

⁸ Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект»: к основаниям сравнительной концептологии // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М. : Наука, 2001. Т. 60. С. 110.

⁹ Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург; Омск : Изд-во Урал. ун-та, 1999. С. 8.

¹⁰ Аветова Т.Ю. Роль интертекстуальности в создании художественного образа на материале романа Ч. Диккенса «Наш общий друг» // Интертекстуальные связи в художественном тексте. СПб. : Образование, 1993. С. 67.

¹¹ Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М. : ЛКИ, 2008. С. 34.

¹² Сидоренко К.П. Интертекстовые связи Пушкинского слова. СПб. : Наука, 1999. 14-20; Стройков С.А. Изучение гипертекста и гипертекстуальности в аспекте современ-

щее терминологическое различие: «Интертекстуальность – это устройство, с помощью которого один текст перезаписывается на другой текст, а интертекст – это совокупность текстов, отразившихся в данном произведении, независимо от того соотносится ли он с произведением (в случае аллюзии) или включается в него (как в случае цитаты)¹³. Очевидно, что эти два понятия неотделимы друг от друга. Но если интертекстуальность – это инструмент, при помощи которого мы считываем интертекст, и способ организации внетекстовых связей в пространстве текстов, то интертекст – это система тестов, втягивающихся в пространство того или иного текста.

И.К. Сидоренко с позиций лингвистики предпринял попытку введения нового термина – «интертекстема» – и классификации данного понятия: «межуровневый реляционный (соотносительный) сегмент содержательной структуры текста – грамматической (морфемно-словообразовательной, морфологической, синтаксической), лексической, просодической (ритмико-интонационной), строфической, композиционной, – вовлеченный в межтекстовые связи»¹⁴. Иными словами, интертекстема – это «чужой голос», который может в различных формах присутствовать в тексте.

В статье «Стилистического энциклопедического словаря русского языка» (2003) Е.А. Баженова справедливо замечает: «Изучение интертекстуальности в различных сферах коммуникации углубляет представление о тексте не только как лингвистическом, но и социокультурном явлении. Кроме того, теория интертекстуальности позволяет объяснить имманентное свойство текста – способность к приращению смысла, генерированию новых смыслов через взаимодействие с другими смысловыми системами»¹⁵. Л. Грузберг также подчеркивает, что интертекстуальность выступает в тексте в виде «стратегии, направленной на постижение глубинного семантического слоя произведения», интертекст «немыслим без энергии читателя» и «путешествие по интертексту с обязательностью предполагает эрудированность реципиен-

---

ной лингвистики // Вестник Волжского университета им. Татищева. Тольятти : ЕУ и ИТ. С. 43-45; Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект»: к основаниям сравнительной концептологии. С. 38; Грузберг Л. Интертекст // Филолог. 2005. Вып. №6.; Политыко Е.Н. Метатекст: терминологические и функциональные аспекты // *Littera terra* : Сб. аспирант. и студент. науч. трудов / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2010. Вып. №5. С. 142.

¹³ Цит. по: Степанов Ю.С. «Интертекст», «интернет», «интерсубъект»: к основаниям сравнительной концептологии. С. 49.

¹⁴ Сидоренко К.П. Интертекстовые связи Пушкинского слова. С. 25.

¹⁵ Баженова Е.А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М. : Наука, 2003. С. 108.

та. «Слово поэта, само по себе обладающее изначально большой энергией, соприкоснувшись с энергией эрудированного читателя, дает мощнейший толчок новому смыслообразованию. Двигаясь от явных, видимых, к глубинным слоям интертекстового пространства, читатель становится соучастником творчества»¹⁶.

Актуальной научной проблемой становятся не только общие вопросы интертекстуальности, но и вопрос типологии основных интертекстуальных форм в литературе. Так, И.В. Арнольд определяет основные формы интертекстуальности по принципу внешнего / внутреннего следующим образом: «При внешней интертекстуальности смена субъекта речи – реальная: цитата действительно принадлежит перу другого автора. А внутренняя интертекстуальность (письма, дневники, литературные герои) – по существу фиктивная»¹⁷.

Более продуктивную типологию интертекстуальности предложил один из основателей теории интертекстуальности и интертекста Ж. Жаннетт, которую затем активно использовали в своих научных работах другие исследователи (Н.А. Фатеева, Н.С. Олизько, И.П. Смирнов и др.). Согласно этой классификации, интертекстуальные формы подразделяются на «собственно интертекстуальные, образующие конструкцию "текст в тексте", паратекстуальные, метатекстуальные, гипертекстуальные, архитектстуальные. Архитекстуальность носит самый общий характер, это отношение текста и рода, к которому он принадлежит. Паратекстуальность включает предисловия, иллюстрации и т.д. Метатекстуальность носит отношение комментирования и выполняет критическую функцию. А собственно интертекстуальные элементы включают в себя цитаты, аллюзии, реминисценции»¹⁸. На последних мы остановимся подробнее.

Самая очевидная интертекстуальная форма в литературе – цитата. В «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) приводится следующее определение цитаты: «В художественной речи и публицистике цитата – стилистический прием употребления готового словесного образования, вошедшего в общелитературный оборот. Частный случай цитаты – крылатые слова»¹⁹. Советский лингвист А.Н. Гвоздев даёт другое определение: «Включаемые в авторскую речь высказыва-

¹⁶ Грузберг Л. Интертекст. С. 143.

¹⁷ Цит.: Барينو́ва Е.Е. Метатекст в постмодернистском литературном пространстве: автореф. дис. ... канд. фил. Наук. Тверь, 2008. С. 22.

¹⁸ Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи. С. 27.

¹⁹ Гришу́нин А.Л. Цитата // Литературный энциклопедический словарь. М.: Просвещение, 1987. С. 333.

ния других лиц и получили название чужой речи. Широкое использование чужой речи видно из того, что к ней в художественных произведениях относятся реплики и диалоги персонажей, а в научной речи – цитирование других авторов»²⁰. Осип Мандельштам писал: «Цитата не есть выписка. Цитата есть цикада – неумолкаемость ей свойственна»²¹.

В литературоведении до сих пор нет единой классификации цитат, их типологии или разделения. Н. Пьеге-Гро называет цитату «эмблематической формой интертекстуальности», т.к. именно цитата позволяет непосредственно наблюдать, каким образом один текст включается в другой. Исследователь пытается объяснить существование комплекса нерешённых вопросов в науке по поводу цитаты. Н. Пьеге-Гро считает, что одной из причин, по которой цитате не уделялось должного внимания при анализе интертекстуальности, является её «каноническая» функция – авторитетность²². В связи с этим В.П. Руднев отмечает, что цитата перестает в ключе интертекста играть роль простой дополнительной информации, отсылки к другому тексту, «цитата становится залогом самовозрастания смысла текста»²³.

Более сложная форма интертекстуальности – аллюзия. Известно, что термин «аллюзия» появляется во многих европейских языках уже в XVI веке. Но, несмотря на давнюю традицию использования этого слова в зарубежном литературоведении и языкознании, само явление начинает активно изучаться лишь в конце XX века. «Большая советская энциклопедия» даёт такое определение: «Аллюзия (от лат. *allusio* – шутка, намёк), в художественной литературе, ораторской и разговорной речи одна из стилистических фигур: намёк на реальный политический, исторический или литературный факт, который предполагается общеизвестным»²⁴.

В.Е. Хализев в характеристике аллюзии делает акцент на временной отдалённости между интертекстами: «Аллюзии – намёки на реалии современной общественной жизни, делаемые, как правило, в произведениях об историческом прошлом»²⁵. Исследователь Л.И. Лебедева даёт более развёрнутое определение этого термина: «Аллюзия (от лат. *allusio* – намек, шутка) – стилистический прием, намек на извест-

²⁰ Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. М. : Просвещение, 1955. С. 215.

²¹ Мандельштам О. Слово и культура. М. : Сов. писатель, 1987. С. 50.

²² Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. С. 52.

²³ Руднев В. Словарь культуры XX века // Электронная библиотека «Грамотея». [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.rus.ec> (дата обращения: 12.02.2012).

²⁴ Прохоров А.М. Аллюзия // Большая советская энциклопедия: в 30 т. М. : Сов. энциклопедия, 1960. Т. 1. С. 215.

²⁵ Хализев В.Е. Теория литературы. М. : Высш. школа, 2000. С. 203.

ный исторический, легендарный или бытовой факт, который создает в речи, литературном произведении, научном труде и т. п. соответствующий обобщенный подтекст»²⁶.

Итак, по вопросу определения термина «аллюзия» в целом у литературоведов разногласий не возникает. Все они сходятся в том, что главная специфика аллюзии – это косвенная ссылка на другие литературные тексты, которая заставляет работать память читателя. Не проявляясь явно, аллюзия, как художественный приём, вносит игровой элемент.

Существует лингвистическая классификация литературных аллюзий, предложенная Н.Ю. Новохачёвой, которая выделяет два вида аллюзий: те, которые претерпели изменения в результате перенесения в интертекст, и те, которые остались нетронутыми. Далее исследователь делит их на классы: «1) лексико-семантические аллюзии; 2) стилистические экспрессемы; 3) морфологические аллюзии; 4) словообразовательные экспрессивные единицы»²⁷. Такой подход к типологии аллюзий Н.Ю. Новохачёва называет «семиотическим».

Н.А. Фатеева, придерживаясь того же подхода, делит аллюзии на «атрибутированные» и «неатрибутированные». Аллюзии с атрибуцией не могут быть распространёнными. Чаще всего приходится иметь дело с неатрибутированными аллюзиями. Они по своей внутренней структуре построения межтекстового отношения «лучше всего выполняют функцию открытия нового в старом». Открытие требует усилий со стороны читателя, что порождает дополнительный стилистический эффект. В типологии выделяются «центонные тексты»: «Центонные тексты представляют собой целый комплекс аллюзий и цитат (в большинстве своем неатрибутированных) и речь идет не о введении отдельных интеркстов, а о создании некоего сложного языка иносказания, внутри которого семантические связи определяются литературными ассоциациями»²⁸.

Оценку данного направления в изучении аллюзии находим в работе Е.М. Дроновой: «Для семиотического подхода к определению сущности аллюзии характерно понимание этого явления как свободно-употребления (замещения) одного слова взамен другого слова в устной или письменной речи». По мнению исследователя, «подобная

²⁶ Лебедева Л.И. Аллюзия // Русский язык. Энциклопедия. СПб.: Питер, 1996. С. 33.

²⁷ Новохачёва Н.Ю. Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе XX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 87.

²⁸ Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи. С. 29.

интерпретация чрезвычайно расширяет значение термина «аллюзия», фактически применяя его к многообразным видам иносказаний, недоговоренности, имплицитности и т.д. Используя традиционное деление семиотики на семантику, синтактику и прагматику, исследователи данного направления обычно акцентируют специфику аллюзии как объекта прагматики»²⁹. Е.М. Дронова отмечает, что хотя учет намерений автора и играет существенную роль при характеристике аллюзии, он тем не менее не является определяющим в толковании ее сущностных параметров.

Иной подход, литературоведческий, представлен целым рядом работ, где, по словам Е.М. Дроновой, «аллюзия подвергается анализу в качестве маркера, указывающего на особенности творческой манеры конкретного писателя»: «В подобных исследованиях проводится анализ отдельных специфических для индивидуального авторского стиля случаев употребления аллюзий, часто интересный сам по себе, но не ставящий целью раскрыть механизм действия аллюзии как стилистического приема»³⁰. Такого подхода придерживаются исследователи, изучающие проблему аллюзий в творчестве отдельных писателей (С.В. Белов, Л. Лосев и др.)³¹.

Аллюзию в строгом смысле нельзя назвать тропом или фигурой. По определению Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева, аллюзия «представляет собой прием текстообразования, заключающийся в соотношении создаваемого текста с каким-либо прецедентным фактом – литературным или историческим. Аллюзия – это намек на известные обстоятельства или тексты»³². Содержащие аллюзию высказывания помимо буквального смысла имеют второй план, заставляющий слушателя обратиться к тем или иным воспоминаниям, ощущениям, ассоциациям. Текст как бы приобретает второе измерение, «вставляется» в культуру, что и породило термин «вертикальный контекст». Л.К. Граудина и Е.Н. Ширяев подразделяют аллюзии по содержанию на исторические и литературные. Первые строятся на упоминании исторического события или лица. Литературные аллюзии «основаны на включении цитат из прецедентных текстов (часто в измененном виде), а также на упо-

---

²⁹ Дронова Е.М. Стилистический прием аллюзии в свете теории интертекстуальности: на материале языка англо-ирландской драмы первой половины XX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2006. С. 45.

³⁰ Там же.

³¹ См., напр.: Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». М.: Сов. писатель, 1984. С. 40; Лосев Л. О Пушкине и его эпохе // Знамя. 1996. № 6. С. 145, 150.

³² Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. Средства речевой выразительности. М.: Наука, 2005. С. 132.

минании названия, персонажа какого-либо литературного произведения либо эпизода из него»³³. Встречаются и смешанные аллюзии, обладающие признаками как исторической, так и литературной аллюзии.

В чем же состоит принципиальное отличие аллюзии от цитаты? И.В. Фоменко определяет цитату как общее, родовое понятие, которое включает в себя аллюзию и реминисценцию. При этом исследователь замечает: «Нужно лишь, чтобы читатель узнал этот фрагмент независимо от степени точности его воспроизведения как чужой. Только в этом случае у него возникнут ассоциации, которые и обогатят авторский текст смыслами текста-источника»³⁴.

Н.А. Фатеева отличие цитаты от аллюзии видит в том, что «заимствование элементов происходит выборочно, а целое высказывание или строка прецедентного текста, соотносимая с новым текстом, присутствуют в нем как бы за текстом»³⁵. Исследователь поясняет: «В случае цитации автор преимущественно эксплуатирует реконструктивную интертекстуальность, регистрируя общность «своего» и «чужого» текстов, а в случае аллюзии на первое место выходит конструктивная интертекстуальность, цель которой организовать заимствованные элементы таким образом, чтобы они оказывались узлами сцепления семантико-композиционной структуры текста»³⁶.

О принципиальном отличии цитаты от аллюзии говорит и Ю. Лотман: «От цитации текстовая аллюзия отличается тем, что элементы претекста (т.е. предшествующего текста, к которому в данном тексте содержится отсылка) в рассматриваемом тексте оказываются рассредоточенными и не представляющими целостного высказывания, или же данными в неявном виде»³⁷. Исследователь отмечает, что «неявность» часто рассматривается как определяющее свойство аллюзии, и поэтому имеется тенденция к использованию этого термина лишь в том случае, если для понимания аллюзии необходимы некоторые усилия и наличие особых знаний»³⁸.

Некоторые литературоведы ставят вопрос о разграничении цитаты и реминисценции. В литературоведческом исследовании Н.И. Уса-

³³ Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. С. 135.

³⁴ Фоменко И.В. Цитата // Введение в литературоведение. Литературное произведение: основные понятия и термины / под ред. Л.В. Чернец. М.: Высш. школа, 2000. С. 497.

³⁵ Фатеева Н.А. Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи. С. 29.

³⁶ Там же.

³⁷ Лотман Ю.М. Текст в тексте // Труды по знаковым системам. Т. XIV / Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1981. С. 38.

³⁸ Лотман Ю.М. Текст в тексте. С. 38.

чёмой решающее значение при различении цитаты и реминисценции придается критерию «точности» цитирования, который положен в основу классификации различных форм цитирования: «собственно цитата» определяется как «точное воспроизведение какого-либо фрагмента чужого текста», а реминисценция – как «не буквальное воспроизведение, невольное или намеренное, чужих структур, слов, которые наводят на воспоминания о другом произведении»³⁹. В логике этого определения всякая неточная цитата является уже реминисценцией»⁴⁰. В отличие от заимствования и подражания реминисценции бывают, по выражению А.А. Морозова, «смутными и неуловимыми»: «Как сознательный прием реминисценция рассчитана на память и ассоциативное восприятие читателя»⁴¹.

Другие ученые понимают реминисценцию более широко, включая в понятие также заимствование сюжетов, введение персонажей, ранее созданных произведений, подражания и т.д. Так, по определению В.Е. Хализева, «реминисценция – это образы литературы в литературе»⁴².

Итак, в ходе предпринятого обзора доступных нам работ мы обнаружили, что теория интертекстуальности не утрачивает своей популярности в современной науке. Осмысление феномена в сферах лингвокультурологии и литературоведения связано с целым рядом нерешенных, спорных вопросов, где одним из главных является проблема типологии так называемых «собственно интертекстуальных» форм в литературе. К основным интертекстуальным формам большинство ученых относят цитату, аллюзию и реминисценцию. Отличительными чертами цитаты признаны – уместность, ясность и точность. В данном случае читатель может легко разграничить авторскую и «чужую» речь, не прибегая к дополнительным источникам информации. Другими формами интертекстуальности, подразумеваемой исследователями как инструмент, помогающий расшифровать интертекст (совокупность текстов, включённых автором в произведение), являются аллюзия и реминисценция, по отношению к которым цитата становится более широким родовым понятием. Аллюзия и реминисценция схожи по своим функциям и отличительным признакам, однако первая представляет отсылку к реальному историческому или литературному

³⁹ Усачева Н.И. Пародийное использование цитаты // Вестник Ленингр. ун-та. 1974. № 4. С. 28.

⁴⁰ Морозов А.А. Реминисценция // Литературный энциклопедический словарь. М. : Наука, 1985. С. 162.

⁴¹ Там же.

⁴² Хализев В.Е. Теория литературы. С. 78.

факту, который является общеизвестным, а вторая – абстрактным образом либо воспоминанием, нашедшим своё отражение в творчестве писателя в целом или конкретном литературном произведении. При этом, и цитата, и аллюзия, и реминисценция как элементы текста имеют единую цель – внести дополнительные смыслы в авторское произведение и воплотить преемственность литературной (шире – культурной) традиции.